

ИОСИФ БЕНЬЯМИНОВИЧ БРАШИНСКИЙ. СЛОВО О ТОВАРИЩЕ

К. К. МАРЧЕНКО

Уважаемые коллеги, мне выпала честь открыть чтения, посвященные светлой памяти Иосифа Беньяминовича Брашинского — нашего товарища и выдающегося ученого-антиковеда, под руководством которого я в свое время сделал первые робкие шаги в области скифо-античной археологии Северо-Восточного Приазовья. В качестве эпиграфа к этому выступлению я выбрал начальные строки из стихотворения Михаила Аниковича — «Ланцелот». Да простит мне автор некоторую вольность:

Твой бой завершен. И судьба решена.
И с прошлым, и с будущим полный расчет...
Твой жизненный путь освещает луна.
И призрачный конь над землею несет.

Итак, Иосиф Беньяминович Брашинский — Ося, как его обычно называли близкие ему люди. Сразу же замечу, что стоящая передо мной задача — воссоздать «жизненный путь» Оси крайне сложна и вряд ли ныне выполнима даже в первом приближении. Это — очевидно, поскольку и личная жизнь, и научная, и научно-организаторская, и, наконец, преподавательская деятельность Иосифа Беньяминовича столь многообразны, что более или менее адекватная их оценка ныне просто невозможна. Впрочем, многие из здесь присутствующих были лично знакомы с Брашинским, и, уж конечно, практически все читали его замечательные работы — «Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э.» (1963), «Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э.» (1980) и, конечно же, «Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья)» (1984). Научное наследие Иосифа Беньяминовича, безусловно, пользуется самым широким признанием среди отечественных археологов и историков.

Однако время летит. Страшно подумать, что прошло уже более четверти века со дня трагического ухода из жизни Оси. Много забывается. Остается лишь легкий флер в памяти. Да и мало чем могут помочь редкие документы, хранящиеся в нашем рукописном архиве — в них лишь отдельные сухие факты. 1928 год — год рождения в г. Таллине в семье служащих. Впереди школа и война. В начале войны 13-летнего мальчика эвакуируют в Кировскую область, в с. Кильмезь. Продолжение учебы в средней школе колхоза. Далее, вплоть до 1947 г., работа методистом культпросвета, заведующим библиотекой районного дома культуры, комендантом городского штаба МПВО и внештатным инструктором Пярнуского горкома комсомола.

В 1947 г. Иосиф Беньяминович был принят на первый курс исторического факультета ЛГУ, где стал специализироваться при кафедре Древней Греции

и Рима. 1952 год — окончание Университета с отличием. И снова работа, работа и работа — в различных школах Ленинграда и Ленинградской области в качестве преподавателя всеобщей истории, истории КПСС, Конституции СССР и даже логики и психологии... Судьба явно не слишком баловала Осю.

Лишь в 1956 г. ему наконец удалось открыть двери ЛОИА АН СССР. С этого времени и до самого конца жизнь Иосифа Беньяминовича оказалась неразрывно связанной с нашим Институтом. Сначала научно-технический сотрудник, затем лаборант, старший лаборант и только через два года после защиты кандидатской диссертации в 1958 г. — младший научный сотрудник. В 1968 г. Ося наконец получает звание старшего научного сотрудника. Преодолены все возможные в то время ступени служебной лестницы, преодолены заслуженно и без какой бы то ни было поддержки. Скорее, наоборот — вопреки сопротивлению власть имущих.

Вообще следует отметить, что творческий путь, да и личная жизнь Иосифа Беньяминовича отнюдь не были усеяны розами. В этой связи достаточно вспомнить лишь два, на мой взгляд, наиболее примечательных факта — его защиты кандидатской и докторской диссертаций. В первом случае, несмотря на в общем-то положительную реакцию Ученого совета ЛОИА, сама защита диссертации изобиловала многочисленными коллизиями. Достаточно сказать, что руководитель Группы античной археологии ЛОИА, Виктор Францевич Гайдукевич выступил с заявлением, согласно которому (я цитирую): «Самый кардинальный вопрос, поставленный в диссертации, — неполноценен». Отзыв — отрицательный. Или, например, Д. П. Каллистов (я опять-таки цитирую): «Работа И. Б. Брашинского написана ниже возможностей. Она не является вкладом в науку». Отзыв опять-таки отрицательный. Несколько более сбалансированными на этом фоне оказались отзывы М. И. Максимовой, Т. Н. Книпович и Д. Б. Шелова, хотя и в них содержался плохо скрываемый скепсис. Брашинский отбивался от упреков по адресу своей работы просто блистательно. Спасли ситуацию К. М. Колобова и главный оппонент диссертанта академик В. В. Струве. Результат голосования: 14 — «за» и 3 — «против». Впрочем, прошло около двух лет, прежде чем он получил искомую степень и стал младшим научным сотрудником ЛОИА.

Что же касается защиты докторской диссертации, которая состоялась 26 февраля 1968 г. в Москве, то в этом случае, как вы все знаете, вообще произошло нечто совершенно невообразимое и трагичное: фундаментальное и по сути своей новаторское исследование Иосифа Беньяминовича «Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья)» было подвергнуто Ученым советом Института археологии губительному ostrakizmu и это, замечу, несмотря на вполне доброжелательные отзывы всех трех оппонентов — В. В. Кропоткина, Г. А. Лордкипанидзе и Э. Д. Фролова.

Приходится только удивляться Брашинскому: внешне он перенес этот удар вполне спокойно, даже с улыбкой, справедливо полагая, что причины ostrakizma находились за пределами объективной научной оценки его работы. Увы, как показало дальнейшее развитие событий — тяжелая болезнь и внезапная смерть ученого — это была лишь внешняя поза внутренне глубоко удрученного человека. На этот раз бойцовский дух Иосифа Беньяминовича был сломлен.

Слава Богу, благодаря заботам его друга — Александра Николаевича Щеглова «Методы исследования античной торговли» вскоре были опубликованы (1984) и стали достойным памятником научной деятельности Брашинского.

Обращаясь теперь к самой научной деятельности Иосифа Беняминовича, нельзя не поражаться ее богатству. Достаточно сказать, что им в разное время было опубликовано около 140 работ (в том числе 4 монографии), охватывающих практически весь мыслимый спектр вопросов, интересующих историков-классиков нашего времени. Здесь и исследования, посвященные проблемам контактов греческих колоний Северного Причерноморья с центрами Восточного Средиземноморья, и вопросы античной, прежде всего керамической, эпиграфики, и история археологического изучения скифских курганных комплексов, и проблемы политической истории античных государств Северного Причерноморья и их взаимоотношений с варварским хинтерляндом этого региона, и многое, многое другое...

Вместе с тем нельзя не отдать должного Иосифу Беняминовичу не только как кабинетному ученому-историку, но и как полевому исследователю-археологу, начавшему свою работу под руководством В. Ф. Гайдукевича еще в 1949 г., т. е. задолго до поступления в наш Институт. Нет сомнений в том, что постоянное участие Брашинского в полевых работах Боспорской и Ольвийской экспедиций ЛОИА превратило его в профессионала высшей пробы.

Впрочем, наиболее ярко его талант археолога-полевика проявился во время руководства Южно-Донской экспедицией — в процессе исследований самого большого памятника скифского времени степной зоны Северного Причерноморья, так называемого Елизаветовского городища на Дону. Результатом стало открытие в варварском хинтерлянде сразу двух новых боспорских колоний — так называемой энойки, т. е. вселения и, по всей видимости, Алопеки Страбона.

Хотелось бы добавить несколько дополнительных штрихов к портрету ученого... Вообще-то, Ося обладал невероятной проницательностью — своего рода, орлиным взглядом. На керамичке я спрашиваю его:

— Это Фасосс?

— Нет!

— Ну как же, нет — и глина, и блески, и сама форма — все соответствует нужным признакам.

— И все-таки нет.

Далее следует детальное объяснение, почему нет и призыв к осторожности в определении конкретного центра изготовления керамической тары со ссылкой на работу В. Рубана, неправоммерно выделившего так называемые афинские амфоры.

Или, к примеру, все ходили по пыльной дороге из верхнего города Ольвии в так называемый нижний город Фармаковского и все, конечно же, не один раз видели на этом спуске под своими ногами обломок керамики, но только Брашинский удосужился поднять этот черепок, на котором оказалась надпись с первым упоминанием городского театра.

Или, еще — взял да и пошел по отвалам и так называемым фундаментам киевской экспедиции и обнаружил около тысячи не зафиксированных амфорных

клейм. С этого момента его участие в работе Ольвийской экспедиции стало крайне нежелательно.

Я трагедизирую — в экспедиции погиб мой однокурсник и товарищ — Саша Румянцев. У меня на глазах слезы. «Ну и что? — с оттенком явного пренебрежения к моей реакции спрашивает Брашинский. — Ничего особенного». Мол, стоит ли того... Обидно. На следующее утро он приходит ко мне и говорит: «Простите, Константин, я был чертовски неправ...».

В заключение этого краткого выступления позвольте мне прочесть небольшое стихотворение студентов-практикантов РГПУ:

Товарищ Ося, Вы большой ученый.
В археологии для Вас примеров нет.
А я студент, наукой удрученный,
И мне от силы девятнадцать лет.

Зачем я здесь — по совести не знаю.
Но в деканате, видимо, правы.
Я это все спокойно принимаю
Как искупленье будущей вины.

То зной, то дождь, то комары над нами.
А Ваши люди говорят нам Вел.
Вы нас кормили кашами и щами.
Не понимаю, как я уцелел.

Ну, бог с тобой, живи, товарищ Ося.
Копайся с увлечением в земле.
Лишь было б больше черепков и кости
На душу археолога в стране.

И он, как вы все хорошо знаете, с увлечением «копался» в земле до самого конца своей жизни...